

А имело место быть сие, господа-товарищи, не так уж и давно — в середине двадцатого столетия, более чем через сто лет после того, как автор «Думы» пал от пули злодея Мартынова. И не в России, а в Китае, на берегу Жёлтого моря, в славном городе Дальний, основанном, смею напомнить вам, русскими людьми в конце девятнадцатого века. И названном Дайреном после оккупации его японцами. А после вывода советских войск с Ляодунского полуострова в 1955 году город обрёл относительный покой под именем Далянь.

За год до начала этого исторического события один молодой, двадцати одного года от роду, лейтенант Казанов Антон, короче — Казанова, обладатель волнистой тёмно-русой шевелюры и тонкой полоски чёрных усов над пухлой губой, одетый цивильно — в распахнутую на груди короткую кожаную куртку с множеством молний, сидит за столом с гранёным стаканом ханжи в руке. Он с нарочитой торжественностью произносит шуточный тост с примесью декадентских стихов: «О, весна без конца и без краю — без конца и без краю весна...» А внимают ему компаньоны: другой лейтенант, кареглазый красавец Борька Динков, в кадетском обиходе — Боб, друг Антона по семи годам учёбы

в Казанском суворовском училище; он одет в шпаковскую голубую безрукавку и раскованно благоухает в обнимку с пышногрудой дамой в красном платье по имени Дора.

В какой-то момент этой идиллии распаивается дверь — и врывается другая дама, невысокая, ладно скроенная, в простенькой белой кофточке и юбочке-шотландке, с коротко постриженными густыми седыми волосами. Её расширенные глаза цвета золотисто-зелёного чая сканируют лица гостей, разбрызгивая искры неподдельного возмущения.

— Ах вы, богохульники! — кричит она истерично. — Пасха завтра, а вы пить начали! Да ещё и без меня?! А я, дуручка, вам крашенных яиц принесла.

Ставит на стол авоську с бумажным пакетом внутри и бухается с разбега на колени лейтенанту в кожаной куртке с молниями, обхватив его могучую шею крепкой рукой...

И впоследствии, через десятки лет, рисовалась Казанову, давно не лейтенанту, а бородатому пенсионеру с прополотыми временем волосами, эта картина из другой эпохи, из прошлого века и чужой страны. И видел он её уже не как участник, а как посторонний зритель. Китай в пятый год после маоистской революции. Город Дальний, двадцать четвёртое апреля, суббота, предпасхальный вечер. Комната на втором этаже японского коттеджа, обращённая окном к крутому каменистому склону сопки, залита мягким светом заходящего солнца. Низкий столик, заставленный бутылками, фруктами, куличом и конфетами. И вдруг — седая красавица Люба, как фея с неба, падает ему на колени! И заявляет словно там же, на небесах, самим Богом решённое:

— Вы — мой! Христос воскрес!..

И впивается ему в губы своим накрашенным ртом долгим влажным поцелуем. А у него впервые за всю его двадцатилетнюю жизнь — всего месяц назад, по пьянке, — состоялся, как теперь принято говорить, «сексуальный контакт» со случайной женщиной в приморском Ворошилове-Уссурийском. А тут — белогвардейская эмигрантка, особь из другого мира, запретный плод, потенциальная шпионка — берёт его на абордаж. И куда испарились моральная устойчивость советского офицера, чистота коммунистических идеалов? Преданность великому делу борьбы за коммунизм, свободу и независимость трудящихся всего мира?..

После нескольких тостов и христосований свежеевлюблённые, Антон и Люба, вышли в сумрачный коридорчик и, разгорячённые вином и близостью, потеряв слух и зрение, прильнули друг к другу всеми своими формами и стали безумно целоваться. Пока не услышали за своей спиной грубый окрик:

— А ты чо, паря, мою бабу фалуешь?

И с этого момента вся идиллия рассыпалась в прах. Как и надежды на счастливое продолжение любовного романа с почти титульной страницы.

Рослый пришелец в цивильном светлом бостоновом костюме, с физиономией, побитой лунками оспы, оказался башкиром Салманом Рафиковым, старшиной-сверхсрочником, фронтовиком из танкового полка в Дафанышене, где служил и Борька Динков командиром зенитно-пулемётного взвода. Казанов мельком видел Салмана, когда находился у Динкова в гостях. О том, что Люба и Салман — она его звала по-русски, Сергеем,— давно встречаются, Борис друга предупредил накануне. И попросил свою Дорку, чтобы она привела для него подходящую эмигрантку. Но Дора заказ не выполнила, невольно создав неразрешимый классический треугольник. А то, что Люба повела себя столь экстравагантно, с ходу запав на Антона, для всех явилось полной неожиданностью. Словно она всю жизнь ждала его появления и набросилась на зелёного лейтенанта, как уссурийская тигрица.

Офицер не стал вступать в пререкания с младшим по чину и молча направился в комнату, оставив Любу с Салманом в полумраке коридорчика для свободной дискуссии. Но в двери задержался, удивлённый выражением Любиного голоса, лишённого томной недавней ласки:

— Ты, дубина стоеросовая, откуда вылупился, чтобы православный праздник нам испортить? Я же сказала тебе честно и ясно: видеть тебя не желаю! Убирайся и забудь сюда дорогу. Дочку мою изнасиловать наострился? Да я бы тебя за это...

— Извиниться, подумал, надо бы, Люба. Прости в последний раз. Нервы у меня износились, как портянки, почти три года воевал, однако,— с немцами, японцами.

— А теперь со мной и моей Наташкой, герой с дырой, вступил в неравный бой?.. Уходи, видеть тебя не желаю! Я в другого влюблена и буду век ему верна. И с ним хочу быть!

— И кем ты ему будешь? Мамой?

— Ты ещё и пошляк! Всем буду — и женой, и любовницей. А если понадобится — и мамой!

— Ты меня уже знаешь, Люба: я весь дом разнесу на куски!

— Басурман ты, дикарь! Вот такой, как ты, бандит моего мужа и застрелил. Не исключено, что это ты и был.

— Да за тебя я готов любого прибить!

— Стой здесь, громила, я сейчас.

Она вошла в комнату, отстранив рукой Антона, — постаревшая, с красными пятнами на щеках, решительная.

— Всё, господа, расходимся! Я с ним наедине разберусь. Не смогу — соседей позову, полицию вызову. Пойдёмте, я вас во двор провожу, калитку закрою.

Гуськом молча прошли мимо прижавшегося спиной к стене Салмана — как мимо памятника воину-завоевателю. На цыпочках, чтобы не беспокоить соседей по коммуналке, спустились по узкой лестнице на первый этаж, вышли во дворик, пахнувший белой сиренью. Небо светилось закатной синевой.

— Я его всё равно выгоню, — сказала Люба, прижимаясь к Антону горячим телом и целуя в губы. — А ты запомни дорогу и утром пораньше приходи. Окно с той стороны, с угла, будет открыто — позови меня с улицы...

Он оторвался от неё, не желая связывать себя обетом. Но Люба властно притянула его к себе:

— Так ты придёшь?

— Если ты сумеешь от Салмана отделаться, — отозвался Антон без особой надежды на благополучный исход.

— Не сомневайся, милый! Вылетит от меня с треском. Дай ещё раз тебя поцелую... Теперь, джентльмены, можете идти. А ты, Дора, задержись на минутку.

Казанов и Динков вышли за калитку.

— Везёт же мне на этих «молотков»! — пожаловался Антон Борису, пока они спускались по узкой улице мимо двухэтажной полицейской будки к тускло мерцавшему справа от дороги озеру. («Молотками» прозвали старшин за лычки на погонах в виде этого инструмента). — Куда влечёт мой жалкий жребий? В Уссурийске баба из-под «молотка» досталась. И в Дальнем, видишь, — тот же казус.